

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. М. В. Строганов
г. Москва, Россия

**В. Г. БЕЛИНСКИЙ В ПРЯМУХИНЕ.
К ИСТОРИИ ПЬЕСЫ
«ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИЙ ДЯДЮШКА, ИЛИ СТРАННАЯ БОЛЕЗНЬ»**

Аннотация: Драма В. Г. Белинского «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь» (1838) рассматривается как отголосок любовного увлечения автора А. М. Щепкиной. Однако есть все основания видеть в ней отражение любовных отношений с сестрами Бакуниными самого автора и его ближайшего окружения в эти годы: Н. В. Станкевича, В. П. Боткина, И. С. Тургенева. И с этой точки зрения драма оказывается важным документом авторефлексии, которая в конце 1830-х гг. была эпицентром индивидуального и группового психологического опыта в кружке Белинского и М. А. Бакунина. Но если непосредственные автодокументальные жанры этого кружка (дневники и письма) изучены в научной литературе очень основательно, то драма Белинского с этой точки зрения практически не введена в научный оборот. Между тем она представляет интерес не столько как состоявшееся художественное целое, сколько как оригинальный творческий эксперимент. Реконструкция событий частной жизни кружка Бакунина и Белинского, которые в настоящее время с трудом поддаются осмыслению, позволяет описать важные процессы духовной жизни русского общества на излете эпохи романтизма.

Ключевые слова: В. Г. Белинский, М. А. Бакунин, авторефлексия, психологический опыт, эпоха романтизма.

Информация об авторе: Михаил Викторович Строганов — доктор филологических наук, профессор, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Хибинский пр., д. 6, 129337 г. Москва, Россия. E-mail: mvstroganov@gmail.com

Дата поступления статьи: 16.03.2018

Дата публикации: 15.09.2018

Для цитирования: Строганов М. В. В. Г. Белинский в Прямухине. К истории пьесы «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь» // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 145–160.

В ноябре 1838 г. Белинский написал драму «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь». Произведение это фактически не изучено (публикацию первой редакции пьесы см.: [6]), хотя оно достойно внимания уже потому, что является одним из немногих художественных произведений критика.

По словам В. С. Межевича, который в конце 1830-х гг. близко знал Белинского, «Пятидесятилетний дядюшка» был создан в течение двух-трех недель в ноябре 1838 г.

для бенефиса и, очевидно, по просьбе М. С. Щепкина. Первое известие о пьесе заключено в письме И. В. Станкевича к брату за границу от конца ноября 1838 г.: «Сам Белинский написал драму для бенефиса Щепкина; впрочем, не пиши ему об этом — если он сам ничего не пишет тебе. Я ее не слышал и не читал; Боткин говорит, что есть недурные сцены для театра, но произведение нехудожественное» [7, с. 118]. Пьеса была представлена в цензуру московских театров 2 декабря 1838 г., а сыграна 27 и 30 января 1839 г., кроме этого 17 декабря 1839 г. пьеса была поставлена на Казанском городском театре [14, с. 19]. Уже цензор Е. Ольдекоп дал краткую оценку пьесы: «...самая скучная, предлинная и утомительная, но, к счастью, невинная пьеса» (цит. по: [3, с. 658]). Анонимный рецензент «Московского наблюдателя», где в ту пору постоянно печатался сам Белинский, вынужден был повторить эту оценку: «Пьеса имела большой успех», невзирая на «убийственную растянутость» [24, с. 35, 37], но больше драма на сцене не появлялась. Сокращенная и переработанная редакция пьесы была опубликована в номере «Московского наблюдателя» [5], следовавшим буквально за этим отзывом. Обстоятельный отзыв о пьесе и ее постановке дал В. С. Межевич (Л. Л.), который назвал произведение «новым приятным явлением» [12, с. 260] (перепечатана со значительными сокращениями: [17, с. 5–8]). И. С. Аксаков писал К. С. и С. Т. Аксаковым 2 февраля 1839 г.: «Вот новость, которая мне и во сне пригрезиться не могла. Белинский написал драму! Сначала мне это было ужасно смешно. Хороша ли она, я Веру и не спрашивал. Знаю, что Костя находит ее хорошей, и доволен» [7, с. 123]. Боткин, как следует из письма И. В. Станкевича, признал, «что есть недурные сцены для театра», но в целом был доволен пьесой, видимо, потому, что уловил в ней «домашнюю публицистичность», отклик на актуальные события, хорошо известные в узком кругу лиц. Люди же, не знакомые с перипетиями личной жизни Белинского и его окружения, воспринимали пьесу гораздо более снисходительно. И если похвалы К. Г. Белинского можно объяснить родственными чувствами (к тому же он жил вдалеке от эпицентра описываемых событий), то похвалы И. И. Срезневского были, несомненно, непредвзятыми [15, с. 197, 212].

Какие же события отразились в пьесе Белинского? Ю. Г. Оксман считал, что «глубокие интимно-бытовые корни пьесы Белинского» лежат в «личной драме Белинского этой поры — его романе с А. М. Щепкиной», и видел «прямое отражение в этой драме тех острых жизненных коллизий, которые определились в результате увлечения Белинского младшей дочерью великого актера» [7, с. 90]. Мы согласны с тем, что в пьесе отразились любовные переживания Белинского. Но вместо той мотивировки действий Белинского и Щепкиной, которую приводил Ю. Г. Оксман, мы позволим предложить свое объяснение их поступков.

Незадолго до отношений с Белинским Александра Щепкина переживала бурный роман с М. Н. Катковым. Как позднее Белинский писал Станкевичу 2 октября 1839 г., «*барышня* любила другого, а этот другой любил ее, но вел себя так *действительно*, что она, думая, что он ее не любит, и, заключая по моим дикостям, что я ее *обожаю*, решила полюбить меня, в той мысли, что если я женюсь на ней, то со мною, как с человеком благородным и любящим ее, она может быть счастлива в браке, сколько можно быть счастливою в браке без любви. Драматическое положение! Всё это еще куда бы ни шло, но вот горе — *барышня*, из уважения ко мне, стала возбуждать в себе чувство ко мне и, по той же мудрой французской пословице, успевала на несколько минут надувать и себя и меня, так что в ее глазах на меня я видел нечто такое, от чего мне казалось, что внутри меня совершилось наконец свободно великое таинство. Но когда она

почти ясно выговорила мне, что любит меня, завеса спала с глаз моих, и я узнал, что такое ад и что такое истинное страдание, страдание без грусти, без всякой влажности, но с одним сухим, жгучим отчаянием. Я был в хороших отношениях с ее братом — <...> я решился ему открыть дело; он <...> выпросил сестру, и она сказала ему, что ей невыразимо приятно, когда она видит меня, но, как скоро я уйду, она тщетно напрягается удерживать меня в своей мысли. Ну, слава богу — спасен; однако я выслушал это с ужасною досадою. <...> Вдруг получаю от Боткина записку, где он уведомляет меня, что мой неистовый соперник, понявши всё, вчера валялся в судорогах по дивану и что была сцена ужасная, которая измучила его, что, глядя на него, он плакал. Это была любовь юношеская, романтическая и экстагическая, но, как момент, действительная. <...> Развязка моей *трогательной* истории с *барышнею* воследовала очень неприятно для меня. <...> *Барышня* наша — девушка страстная, и потому, что я не мог быть беспрестанно вместе с нею и приходить, когда она прикажет, — я был свидетелем обмороков» [4, с. 391]. Как следует из письма, уже не юная (двадцати двух лет) Щепкина от обиды на невнимание Каткова стремилась отомстить ему, заключив «разумный брак», а Белинский, который сам только что пережил неудачу в любовных отношениях с Любовью Бакуниной, рассчитывал, со своей стороны, утолить этим романом и союзом свою жажду семейного счастья. Катков, который в это время заканчивал обучение в Московском университете и был ровесником Щепкиной, обвинил Белинского в том, что тот сознательно воспользовался его неопытностью в науке любви. В. П. Боткин удалил Каткова из Москвы и вмешался в эту историю. Вот как он рассказывает об этом в письме к Каткову от 10 февраля 1839 г.:

Вчерашнее объяснение доконало меня так, что я одурел: нет, Миша, всё вздор и ложь, — она не любила и не любит *В<иссариона>*, — но в то же время в ней совершалось странное и загадочное, — теперь это сделалось уже не странным и не загадочным. И в то же время убеждение *В<иссариона>*, его доверие мне не были претензиями. В нем игралась драма своего рода — и ужасны муки, какие он вытерпел.

Нынешнюю ночь я проговорил с *В<иссарионом>*. Братцы! Я после долгого времени почувствовал, что с меня упала кора и чувство не замирало к нему, а живо и свободно стремилось к нему. Он прав, благороден, чист, — братцы, не бросайте камня в человека, — и особенно не осуждайте, не выслушав оправдания. Не могу тебе теперь всего писать, это было бы ужасно много — я потрясен различными и в то же время неожиданными и противоположными ощущениями. О ней относительно тебя сказать ничего не могу. Приезжай теперь в Москву, — и поскорей. — Смотри сам, и твое чувство скажет вернее [7, с. 124].

Из этого письма следует, что когда Белинский разобрался, что Александра Щепкина любит не его, а Каткова, но запуталась сама и не решается себе признаться в этом, — Белинский уступил место счастливому влюбленному, хотя тяжело переживал — не разлуку с любимой женщиной, но очередную неудачу в построении семейного счастья.

Так это было на самом деле, или не так, но во всяком случае именно так поняли эту ситуацию и Боткин, и Белинский, автор «Пятидесятилетнего дядюшки». Опираясь на этот материал, Ю. Г. Оксман в своей краткой характеристике пьесы Белинского пишет: «Монологи старого холостяка Горского, трагически переживающего свое чувство

к двадцатилетней Лизаньке Думской, явственно перекликаются с отдельными высказываниями Белинского в его письмах; своеобразное положение А. М. Щепкиной рельефно выявлено в роли Лизаньки; в образе Мальского отражены черты почти портретно зарисованного М. Н. Каткова. Пьеса писалась в процессе развертывания самой “истории”, материал которой до конца объясняет теперь причину вторжения в критические и литературно-теоретические работы Белинского произведения совсем иного творческого плана, мотивирует и замысел драмы и исключительно быстрый срок ее создания» [7, с. 91].

Особенно убеждал исследователя в его построении тот факт, что на премьере в роли главной героини пьесы Белинского (Лизаньки Думской) на сцене Московского театра 27 января 1839 г. выступала дочь бенефицианта — живой прототип героини драмы Белинского, т. е. Щепкина играла сама себя.

При всем уважении к почтенному исследователю мы не согласны не только с его выводами, но и с тем, как он мотивировал поведение главных персонажей любовного романа, почему и предложили свои мотивировки. Но самое главное, что не убеждает нас, — это утверждение, будто в 50-летнем дядюшке, опекуне двух молодых барышень, Белинский изобразил самого себя в год, когда ему исполнилось всего лишь 27 лет. Между мужчиной двадцати семи и мужчиной пятидесяти лет лежит, по понятиям того времени, целая пропасть — тридцатилетие, осмыслявшееся как середина жизни, и Белинский хорошо знал это: «Мне скоро *тридцать* лет — важное обстоятельство! Есть русская пословица: кто в 20 лет не силен, в 30 не умен, тот ни сильным, ни умным никогда не будет» [4, с. 281]. О том, что это общее место было хорошо известно кружку Белинского, свидетельствует, в частности, в стихотворение И. П. Ключникова «Песня»:

Мне уж скоро тридцать лет
А никто меня не любит [20, с. 518].

Именно из невнимания к тридцатилетию как важному рубежу жизни протекает одна очень важная небрежность в комментариях «Литературного наследства»: «Белинский был старше Щепкиной на семь лет и не имел с ней общих интересов» [7, с. 124; комментатор Л. Р. Ланский]. На самом же деле разница в годах между Белинским и Щепкиной составляла всего пять лет — не так уже и много, и Белинский никак не годился в руководители своей предполагаемой спутнице жизни. Наконец, непонятно: если прототипическими образами и ситуациями для Белинского были его отношения со Щепкиной, то зачем в пьесе появились две сестры, наличие которых создавало на театре положения *qui pro quo*.

Как мы полагаем, ситуация, которая отразилась в «Пятидесятилетнем дядюшке», была на самом деле прототипической, но возводить ее следует не к отношениям Белинского со Щепкиной, а к отношениям Белинского с жителями Прямухино. Доказательству этого и посвящена настоящая работа.

Белинский познакомился с М. А. Бакуниним в Москве в марте 1835 г. у Н. В. Станкевича [15, с. 92], а 4 ноября 1835 г. Станкевич пишет Бакунину, что Белинский хочет познакомиться с ним поближе. Около 28 октября 1835 г. вернувшийся из Прямухина Станкевич рассказывает Белинскому о «прямухинской гармонии», и Белинский начинает мечтать об обретении спутницы жизни в лице одной из сестер Бакунина. Он так

вспоминал об этом в письме к Бакунину от 12–24 октября 1838 г.: «Сверх того, имя твоих сестер глухо и таинственно носилось в нашем кружку, как осуществление таинства жизни, — и я, увидев тебя первый раз, с трепетом и смущением пожал твою руку, *как их брату*» [4, с. 329]. Наконец, в середине мая 1836 г. Бакунин, уезжая на лето в Прямухино, приглашает Белинского к себе, и в том же письме Белинский пишет: «...от этого приглашения (как теперь помню) у меня потемнело в глазах и земля загорелась под ногами» [4, с. 329]. Во второй половине августа 1836 г. Белинский выезжает в Прямухино и проводит там почти три месяца.

В XIX в. село Новоторжского уезда Тверской губернии Прямухино было одним из культурных центров России. Создатель этой усадьбы А. М. Бакунин был младшим участником литературного кружка Г. Р. Державина, Н. А. Львова, В. В. Капниста. Старший сын его Михаил Бакунин, не учившийся в Московском университете, в силу своих интересов сблизился с лучшими молодыми людьми 1840-х гг., выпускниками этого университета. Они-то и посещали Прямухино: Н. В. Станкевич, В. П. Боткин, И. П. Ключников, И. С. Тургенев. После смерти А. М. Бакунина в Прямухино, к братьям Михаила Бакунина, известным своей общественной деятельностью, приезжали А. И. Эртель, Л. Н. Толстой, М. Горький. Здесь жилали многочисленные родственники Бакуниных, в том числе родной брат первой жены А. А. Бакунина — А. В. Марков-Виноградский со своей супругой, более известной по фамилии своего первого мужа как А. П. Керн.

Белинский, как известно, приезжал в Прямухино четыре раза. Даты пребывания его в Прямухино установлены далеко не бесспорно, поэтому попробуем внести в этом вопрос некоторую ясность.

Первый приезд. Известно, что 12 августа 1836 г. Михаил Бакунин просит Белинского ускорить свой приезд в Прямухино, о котором друзья условились ранее, и подкрепляет свою просьбу ссылкой на И. И. Лажечникова. Точная дата приезда неизвестна, но более корректно можно говорить не о конце августа [15, с. 126], а о второй половине его. Вернулся Белинский в Москву 15 ноября [15, с. 135]. Сколько времени заняла эта дорога? Известно, что дорога от Торжка до Москвы занимала сутки. А, по свидетельству А. Н. Островского, даже в 1856 г. «между Торжком и Осташковым почта не ходит, а есть так называемый торговый тракт, по которому проезд бывает почти только зимой» [16, с. 345]. Поэтому на эти 60 верст уходили еще одни сутки. Таким образом, датой отъезда Белинского из Прямухина следует считать 13 ноября 1836 г.

Второй и третий приезды датируются точно: 5–14 июля 1838 г. и 27–29 декабря 1841 г. [15, с. 167, 315].

Четвертый приезд мы датируем следующим образом: 4–8 (?) июня 1843 г. Дата приезда названа самим Белинским, но возвращение из Прямухина определяется предположительно на том основании, что Белинский вернулся в Москву около 10 июня [15, с. 355], а дорога из Прямухина до Москвы, как мы выяснили в связи с первым приездом, занимала двое суток.

Из этого общения Белинского с Бакуниными в настоящее время нас интересуют только два первые приезда, 1836 и 1838 гг. Это период самого интенсивного и вместе с тем самого сложного общения Белинского с его другом Мишелем, с отцом Мишеля Александром Михайловичем и с сестрами Мишеля Любовью, Варварой, Татьяной и Александрой (самая младшая в семье Бакуниных дочь Софья умерла во младенчестве). С этим периодом связано и одно из немногих художественных произведений Белинского — пьеса «Пятидесятилетний дядюшка».

Это пока еще московский период жизни Белинского. Он сотрудничает в журналах «Телескоп» и «Московский наблюдатель», тесно общается с московскими друзьями и приятелями, с театральными деятелями М. С. Щепкиным и П. С. Мочаловым. Этот период завершился в октябре 1839 г. переездом Белинского в Петербург, на работу в «Отечественных записках» А. А. Краевского. Говоря об этом периоде, нам следует помнить, что в 1836 г. Белинскому пока еще 25 лет, и он не только по причине своего «неистового» характера, но и просто по причине молодости мечется между Фихте с теорией любви как основным двигателем жизни и Гегелем с его пресловутым «примирением с действительностью».

Итак, приехав во второй половине августа 1836 г. в Прямухино, Белинский 13 сентября закончил первую статью о книге А. Дроздова «Опыт системы нравственной философии» и с большим подъемом читал ее на одном из вечеров в семье Бакуниных. Вряд ли это мудрствование могло понравиться рационалистически настроенному Бакунину-отцу. Другим вечером Белинский имел неосторожность вступить в спор с А. М. Бакуниным о французской революции. Сам Александр Михайлович резко отрицательно оценивал Великую французскую революцию и деятельность энциклопедистов как ее источник. В поэме «Осуга» он писал:

Кто родины своей не любит,
Тот умер заживо во мне.

В могилах сыч зловещий стонет,
Космополитство на разлад,
И мертвый колокол трезвонит
Философический набат.

От этой музыки вскружила
Пустые головы хандра
И чернь по-волчьему завыла
Ослиным хором: «Ça îga».

Я наяву всё это видел
В земле драчливых петухов
И с той поры возненавидел
Музыку тигров и ослов [1, с. 78–79].

«Ça îga» (будет так) — этими словами начинается припев популярной революционной песни «Ah! ça îga, ça îga, ça îga» (1790). Бакунин говорит о «драчливых петухах», так как галльский петух — это символ Франции (и если верить Бакунину, то он на самом деле посещал революционную Францию, хотя других сведений об этом у нас нет). А слова о «музыке тигров и ослов» соединяют два устойчивых образа. Во-первых, это традиционное (восходящее к Вольтеру) название французов «смесь обезьяны с тигром» (см.: [13]). А во-вторых, это восходящая к басне И. А. Крылова «Лев состарившийся» (не позднее 1823) презентация демократических тенденций в обществе образом осла. Сюжет этой басни восходит к Федру, за которым следовал и Лафонтен в басне «Лев состарившийся» (*Le Lion devenu vieux*). На русский язык, кроме Крылова, басню переводили В. К. Тредьяковский («Лев престарелый»), А. П. Сумароков, И. С. Барков

(«Престарелый лев, вепрь, вол и осел») и А. Е. Измайлов («Дряхлый Лев»). Ср. также у А. С. Пушкина в поэме «Езерский» (1832) уже с современными коннотациями:

...гереальдического льва
Демократическим копытом
У нас лягает и осел:
Дух века вот куда зашел [21, с. 101].

С этой басней, несомненно, связан и осел как символ Демократической партии США, хотя, судя по имеющимся материалам [19], данная образность сформировалась несколько позднее.

Легко представить себе накал страстей, который бушевал в мирном Прямухине. Александр Михайлович в свое время по предложению государя Павла Петровича служил в Гатчине. При дворе герцога Ольденбургского Георга и великой княгини Екатерины Павловны он бывал как занимавший несколько ранее должность губернского предводителя дворянства. Во время представительской поездки великого князя, государя-наследника Александра Николаевича Бакунин в числе самых почтенных представителей сословия был представлен ему. Вообще он был искренне верноподданным человеком, для которого не существовали проблемы взаимоотношений с властью и строем. А тут неделикатный Белинский выступил в защиту даже Робеспьера («фихтеанизм понял как робеспьеризм» [4, с. 320]), утверждая право «избранных» на «опеку над родом человеческим» [4, с. 387], за что, впрочем, потом ругал себя и каялся перед владельцем Прямухина. А. М. Бакунин не стерпел и отомстил Белинскому, поместив в поэме «Осуга» характеристику журнала «Телескоп», который напечатал статью Белинского:

И вот на куче «Телескопа»,
И разрезвися наконец,
Хемницер — ученик Эзопа
И милой Душеньки певец [1, с. 75].

Другие эпизоды этой полемики из вариантов «Осуги» см.: [9, с. 268].

Впрочем, эта характеристика не вполне внятна, однако такие невнятицы подчас встречаются в стихах А. М. Бакунина. Но «Телескоп» оказывается единственным современным журналом, который Бакунин называет прямо в своей поэме. И важно, что «кучу “Телескопа”» попирают писатели конца XVIII в., писатели периода молодости самого А. М. Бакунина. Современные мудрствования меркнут на фоне отстоявшихся ценностей.

После этих стычек отношение Белинского к Александру Михайловичу Бакунину постоянно колебалось. В период увлечения Александрой Бакуниной Белинский писал Мишелю Бакунину, что сожалеет о своей резкости в общении с Бакуниным-старшим. Он даже признавал, что Бакунин-отец «имел полное право заключить, что мы больше горды своими убеждениями, нежели счастливы ими» [4, с. 186]. Вскоре по возвращении в Москву из второй поездки в Прямухино, 1 августа 1838 г. Белинский признавался непосредственно самому «почтенному старцу» Александру Михайловичу в том, что Прямухино научило его «уважать чужие убеждения и любить людей каждого на его месте и в его сфере». «...спешу Вам сказать, что бесконечно и глубоко люблю и уважаю Вас» [4, с. 257]. И в том же письме Белинский просит Александра Бакунина поскорее

прислать в журнал «Московский наблюдатель», который он редактировал, «обещанных <...> записок о Кавказе и <...> стихов “К Осуге”». Трудно однозначно сказать, прислал ли Бакунин свои сочинения Белинскому: он не считал нужным печататься. Однако это письмо в известной мере объясняет нахождение среди бумаг И. П. Ключникова не большого фрагмента поэмы «Осуга», которые некоторые издатели приписывали этому поэту. Именно как отдельное приписываемое И. П. Ключникову стихотворение этот фрагмент (стих 893 и следующие) и был опубликован впервые [20, с. 543–544].

И в том же письме Белинский писал А. М. Бакунину: «Я видел Ваш дух во всем и везде,— и в этом простом и прекрасном саду, с его аллеями, дорожками и лугами, его величественными огромными деревьями, его прозрачными бассейнами и ручьями, и в этой простой и прекрасной церкви — этом светлом храме, где душа радостно трепещет присутствием божества, и в тишине этого мирного сельского кладбища с его поэтической полуразвалившейся часовнею и унылыми елками, и во всем этом рае, который создала Ваша живая и возвышенная любовь к природе и который Вы назвали Прямухиным» [4, с. 257].

Но за глаза, в письме к Михаилу Бакунину от 12–24 октября 1838 г., Белинский отстаивает право на свой образ мыслей: «Ты помнишь, какую фразу отпустил я за столом и как подействовала она на Александра Михайловича; но знаешь ли что? — я несколько не раскаиваюсь в этой фразе и несколько не смущаюсь воспоминанием о ней: ею выразил я совершенно добросовестно и со всею полнотою моей неистовой природы тогдашнее состояние моего духа»; «...я не упрекаю себя за кровожадный образ мыслей, потому что он был действительно моим убеждением в то время, был необходимым моментом моего развития» [4, с. 319–320, 321]. А уже совсем за глаза, в письме к В. П. Боткину от 16 мая 1840 г. Белинский гораздо резче отзываясь о сословных предрассудках стариков Бакуниных: «Конечно, дела твои в Прямухине плохи <...>. Ты bourgeois-gentilhomme <мещанин-дворянин>, а они кто? — gentilhomme-bourgeois <дворяне-мещане>, т. е. обнищавшие дворянчики, у которых осталась только дворянская спесь да несколько пар порток. Кровь кипит от негодования — так и хлопнул <бы> по дворянским физиономиям плебейским кулаком» [4, с. 522]. Сам Белинский не был даже bourgeois-gentilhomme, как Боткин, он был просто плебей в самом прямом смысле этого слова.

Итак, гость вступил в конфликт с хозяином дома — ситуация неловкая, усиленная к тому же их социальным неравенством. Старшие Бакунины считали Белинского виноватым в усвоении Михаилом революционных взглядов (на самом же деле Михаил был просто осторожнее в своем общении с родителями). Татьяна Бакунина писала своим братьям 30 октября 1836 г., что ее отец «особенно <...> сердит на Белинского», который никогда не умеет себя сдерживать. Два или три раза он забывался и говорил вещи чересчур сильные, которые дали папеньке совершенно ложный взгляд на его характер» (цит. по: [9, с. 258], пер. с франц.). Об этом же происшествии вспоминал и сам Белинский в том письме к Михаилу Бакунину от 12–24 октября 1838 г., которое мы уже не раз цитировали [4, с. 320–322]. А сам Михаил Бакунин писал отцу 15 декабря 1837 г.: «Ведь вы отвергаете истину дружбы, связывающей нас с Виссарионом Григорьевичем, потому что вы полагаете, что он учит меня не доброму, а худому» [2, с. 118]. Белинский знал об этом пристрастном мнении и в письме к Михаилу Бакунину от 10 сентября 1838 г. объяснял его происхождение своим собственным неумением вести себя в обществе: «Я в первый приезд в Прямухино обратил на себя внимание всех и каждого и сделался

в ваших краях *притчею во языцех*, пошли толки, что я тебя порчу, что мы философы и пр. и пр. — всё это вследствие того, что я был пошел до гадости, рисовался, походил на семинариста, который, в первый раз вырвавшись из своей бурсы на свет божий, по своим ученическим тетрадам стал переучивать весь свет и на всех людей стал смотреть с высоты своего бурсацкого величия. <...> вследствие претензий быть необыкновенным человеком» [4, с. 292].

Однако молодые Бакунины встретили двадцатипятилетнего критика радушно и приняли его в свою среду как равного. В письме к М. А. Бакунину от 16 августа 1837 г. Белинский вспоминал об этой гармонии: «Душа моя смягчилась, ее ожесточение миновало, и она сделалась способною к воспринятому благих впечатлений, благих истин. <...> Я ощутил себя в новой сфере, увидел себя в новом мире; окрест меня всё дышало гармонией и блаженством, и эта гармония и блаженство частью проникли и в мою душу. Я увидел осуществление моих понятий о женщине; опыт утвердил мою веру» [4, с. 173]. В том же письме Белинский пишет, что жизнь в Прямухине заставляла его пересматривать свои политические воззрения, хотя друг Мишель своими постоянными колкостями разрушал эту идиллическую гармонию:

Жизнь идеальная и жизнь действительная всегда двоились в моих понятиях: прямухинская гармония и знакомство с идеями Фихте, благодаря тебе, в первый раз убедили меня, что идеальная-то жизнь есть именно жизнь действительная, положительная, конкретная, а так называемая действительная жизнь есть отрицание, призрак, ничтожество, пустота. И я узнал о существовании этой конкретной жизни для того, чтобы узнать свое бессилие усвоить ее себе; я узнал рай, для того чтобы удостовериться, что только приближение к его воротам — не наслаждение, но только предощущение его гармонии и его ароматов — есть естественно возможная моя жизнь. Но самые лютые мои минуты были, когда ты читал с ними по-немецки: тут уже не лихорадку, но целый ад ощущал я в себе, особенно, когда ты имел армейскую неделикатность еще подтрунивать надо мною при всех, нимало не догадываясь о состоянии моей души. Какая-то подлая злоба на всех, и даже на невинный немецкий язык, давала мне знать о моем глубоком унижении, глубоком падении. И вслед за этим я иногда должен был шутить или говорить о любви, которой во мне не было, о блаженстве жизни, когда в душе моей был один холод, досада, ненависть к жизни, презрение к себе... Я принялся было за немецкий язык, и не успел, потому что, как и во всем, хотел усовершенствовать себя не для себя, а как будто для выставки к известному дню. Гнилое зерно не принесло плода. И вот в каком состоянии борьбы и гармонии, отчаяния и блаженства был я в Прямухине [4, с. 175].

Вся переписка Белинского с Михаилом Бакуниным имеет тот же характер: свойственный обоим избыток рефлексии мешал им жить спокойно.

Во время первого посещения Прямухина Белинский переписывает в альбом Любви Александровны Бакуниной семьдесят восемь (!) лирических стихотворений А. С. Пушкина, включая в списки пропущенные цензурой фрагменты [15, с. 130]. Гости Прямухина, будущие и настоящие мужья сестер Бакуниных: Г. П. Вульф, Н. Н. Дьяков — также сближаются с Белинским.

Кроме того, Белинский увлекся Александрой Бакуниной, в чем он наивно сознавался в том же письме от 16 августа 1837 г. к ее брату Михаилу, которое мы ци-

тировали выше: «Я увидел осуществление моих понятий о женщине; опыт утвердил мою веру» [4, с. 173]. Увлечение это было, конечно, головным, как и многое в жизни этих «людей сороковых годов». Но Белинский только в 1839 г. поймет это, в чем и признается в письме к В. П. Боткину от 10–16 февраля: «Я не любил, но заставил себя любить, в чем и успел. Сердце жаждало блаженства, а рассудок указал путь к его достижению — изо всего этого вышел ужасный вздор. Препятствия раздражили чувство, и без того ложное и напряженное» [4, с. 359].

Впрочем, отношения с Михаилом Бакуниным, дружелюбные в начале общения, приобрели вскоре конфликтный характер. Белинский так описал свои отношения к Бакунину в письме ему самому от 12–24 октября 1838 г., которое мы также уже не раз цитировали: «Я приехал в Прямухино, не чувствовал к тебе враждебности, но не ощущал и любви; твое присутствие сжимало, стесняло и смущало меня как-то странно. Вдруг ты уезжаешь в Торжок дожидаться там Петра. Поездка эта была в тебе порывом, и порывом благородным, святым. <...> Ко мне ты писал коротко, просто, но многозначительно, энергически и с любовью. Ты избавил меня от утешений, поняв, что для человека в моем положении и с моею душою они излишни...» [4, с. 240]. Конфликты были, в принципе, неизбежны как в силу излишне откровенных отношений Михаила Бакунина и Белинского, так и по причине сложного характера Михаила Бакунина. Но и вдобавок к этому Михаил Бакунин на правах старшего брата-руководителя постоянно вмешивался в личную жизнь сестер, проявляя не меньший деспотизм, чем его отец. Когда же Бакунину вдруг показалось, что его сестра Татьяна Александровна равнодушна к Белинскому, он стал выставлять Белинского на посмешище, чтобы разоблачить его в глазах сестры. Один такой случай произошел в октябре 1836 г. на празднике по случаю освящения прямухинской церкви. В письме к Н. В. Станкевичу от <5–8> октября 1838 г. Белинский оценил свою «идеальную дружбу» с Михаилом Бакуниным более трезво: «С Мишелем я совершенно разошелся. Уважаю его — но любить не могу. Много пользы сделало мне его знакомство, но дружба наша была призрак, потому что не выработалась из жизни, а вышла из отвлеченных понятий *об общем*» [4, с. 306].

Однако, невзирая на эти конфликты с Бакуниным-старшим и Бакуниным-младшим, Белинский вспоминал свою жизнь в Прямухине в 1836 г. как лучший эпизод своей жизни и мечтал снова попасть туда. И вот с 5 по 14 июля 1838 г. он второй раз гостит в Прямухине, всецело занятый своим чувством к Александре Бакуниной. Не решаясь объяснить с любимой девушкой, Белинский вновь простодушно обращается к Михаилу Бакунину с вопросом, что ему делать, и получает от него неопределенный ответ. Вот как он описывает это в письме от 18–19 июля 1838 г.: «Ты не дал мне никакой положительной надежды, но превратил в надежду совершенную безнадежность. Я был уверен, что тебе, как брату, и еще в таких отношениях с ними, невозможно не знать положительно — да или нет, что ты знаешь, но только не имеешь духу сказать мне горькую истину. И что же? — ты мне сказал: “Не могу сказать ни того, ни другого, но ты теперь переменялся — вот увидишь, и тогда — может быть”. Мишель, это не упрек: что было — то прекрасно, и если б в моей воле было воротить прошедшее — я не захотел бы; если много горя, много страданий дали мне твои слова, то много и блаженства узнал я через них, много дивных и совершенно новых дотоле созерцаний они же дали мне» [4, с. 252]. Выход из этой неопределенности отношений с Александрой Бакуниной обнаружился достаточно легко — после того, когда Белинский узнал о начавшемся еще в Москве в июне 1838 г. романе Александры Бакуниной с В. П. Боткиным. В письме

к Михаилу Бакунину от 10 сентября 1838 г. Белинский рассказывает другу о тех проявлениях, которые убедили его в чувстве Александры Александровны к Боткину [4, с. 296–298, 302]. А сама Александра Бакунина в письме к своей двоюродной сестре А. А. Беер с удовлетворением писала 27 декабря 1838 г. о Белинском: «Белинский теперь покоен, счастлив, и Бог пошлет ему ангела, который утешит, успокоит его. <...> Его фантазия ко мне прошла» [10, с. 12–13].

И вот на фоне всех этих перипетий и формируется драма «Пятидесятилетний дядюшка». В любовной истории Белинского и Александры Щепкиной не было того душевного надлома, того сложного взаимовыяснения отношений, которое мы видим в пьесе. Но зато всё это с избытком присутствует в отношениях Белинского с кругом обитателей Прямухина. Поэтому в известной мере странно, что Л. Я. Гинзбург даже не упомянула этот текст при анализе сложных отношений между семейством Бакуниных и Белинским.

Главный герой пьесы, уездный помещик пятидесяти лет Горский, воспитывает у себя двух сестер-сирот — Лизаньку двадцати лет и Катеньку восемнадцати лет. Племянник и воспитанник Горского Мальский втайне от всех любит Лизаньку, но по привычке детских лет поддерживает кокетливо-игровые отношения с Катенькой. Сам Горский любит старшую воспитанницу Лизаньку, но боится признаться в этом даже самому себе и поэтому часто срывается в отношениях с ней. Отношения между дядюшкой и воспитанницами становятся мучительными, упреки, выяснения отношений и слезы бесконечно перемежаются друг друга. Однако Лизанька по ряду признаков догадывается о влюбленности Горского и раскрывает ему самому глаза на эту ситуацию. Она считает себя обязанной отплатить Горскому за всё, что он сделал для нее и сестры, и решается выйти за него замуж. Правда, она любит Мальского, но, подозревая, что тот влюблен в младшую сестру, не хочет становиться на пути ее счастья. Выслушав решение Лизаньки выйти за него замуж, Горский рад этому, но он вместе с тем хорошо понимает неразумность такого неравного брака. К тому же вскоре он узнает, что Мальский любит не Катеньку, а Лизаньку, а Катенька склонна ответить взаимностью на любовные ухаживания совсем другого кавалера. В итоге Горский решает соединить обе пары, а сам удаляется от них, во всяком случае на время. Все эти перипетии осложняются любовно-брачными домогательствами со стороны местных помещиков. Короче говоря, в пьесе целое море любви, как в «Чайке» у А. П. Чехова. Но, в отличие от Чехова, положительный остаток — брачные союзы — всё-таки складывается.

Всё это очень близко напоминает ситуацию в семье А. М. Бакунина (наиболее полные биографии А. М. Бакунина и его детей см.: [22]), который женился, когда ему было 42 (по иным сведениям — 47) лет, а имел он в этом счастливом браке 10 детей (не считая умерших во младенчестве), из них четыре дочери. Старшая сестра Любовь (1811 г.р.) по усиленному настоянию отца, который заметил склонность ее к родному дяде, была невестой барона Ренне, но потом, при поддержке брата Михаила и сестер, отказала ему, хотя отец усиленно сопротивлялся такому решению. После этого Любовь Бакунина стала невестой Н. В. Станкевича, но он вскоре охладил к ней, и только неожиданная смерть ее 6 августа 1838 г., которую Белинский пережил как «самую сильную утрату своей жизни» [4, с. 267–276], сняла проблему тяжелых объяснений [9, с. 98–103, 292–322, 369–372]. Третья сестра Татьяна (1815 г.р.) оказалась предметом кратковременного увлечения, а потом и героиней ряда произведений И. С. Тургенева (см.: [8; 11]), но осталась в девушках. Четвертая сестра Александра (1816 г.р.) сначала вызвала

безответное чувство любви в Белинском, потом к ней сватался В. П. Боткин, но и он не получил согласия на брак, и только в 1844 г. Александра вышла замуж за Г. П. Вульфа. Даже вторая сестра Варвара (1812 г.р.), вышедшая в 1835 г. (раньше всех, но все же не юной) замуж за Н. Н. Дьякова, а потом пережившая увлечение Станкевичем, не стояла в стороне от этой любовной чехарды, потому что в конце 1837 г. разошлась со своим мужем и переехала жить к родителям. Михаил Бакунин ревностно относился к своим сестрам и их любовным романам, вмешивался в них, пытаясь согласовать их со своими философскими представлениями. А отец Александр Михайлович, родительски эгоистично ревнуя своих дочерей к молодым людям, не хотел выдавать их замуж (о «родительском деспотизме» см.: [9, с. 76–81]). В поэме «Осуга» он писал об этом так:

Танюша скромничать изволит,
Когда разрезвится — мила.
Сестриц и братьев Саша школит,
Гоняя в угол из угла.

И все четыре — грех сознаться —
Так милы сердцу моему,
Что я без ужаса расстаться —
Подумать — с ними не могу [1, с. 75].

Эта достаточно обычная практика в патриархальной дворянской семье с большим количеством детей дожила до времени Л. Н. Толстого, дочери которого, как мы помним, выходили замуж очень поздно [22, с. 53–64]. Впрочем, когда Александр Михайлович находил нужным, он настойчиво подталкивал дочерей к браку с теми мужчинами, которых сам выбрал. Н. В. Станкевич писал: «Семейство Бакуниных идеал семейства» [18, с. 363]. Но это было верно только по-своему. Ведь и сам Станкевич испугался этого идеала, а Тургенев прямо разоблачал его в своей прозе. Белинский еще раньше Тургенева пытался обратить внимание на слабые стороны этой дворянской семьи.

Пятидесятилетний дядюшка Горский — это, конечно, М. С. Щепкин, с учетом возраста которого и создавалась бенефисная пьеса. Напомню, что точно так же для того же Щепкина, только одиннадцать лет спустя написал свою пьесу «Холостяк» (1849) И. С. Тургенев. Но главное все же то, что Горский — это Александр Михайлович Бакунин, который лишает счастья своих дочерей, и — в какой-то мере — брат Мишель, который привносит в романы сестер головной элемент и не дает любовному чувству развиваться просто и естественно. Лизанька и Катенька — это, конечно, проекции пушкинских Татьяны и Ольги и, несомненно, предвосхищение гончаровских Веры и Марфиньки. Но Лизанька и Катенька — это сестры Бакунины, которые сами запутались в своих любовных романах.

Неудача в отношениях с Александрой Бакуниной. Неудача в отношениях с Александрой Щепкиной. И — как следствие — решение Белинского переехать в Петербург.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бакунин А. М. Собр. стихотворений / изд. подг. М. В. Строгановым. Тверь: Изд-во ТГУ, 2001. 206 с.

- 2 *Бакунин М. А.* Собр. соч. и писем. 1828–1878. М.: Изд. Всесоюзного об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. Т. II: Гегелианский период. 1837–1840. 503 с.
- 3 *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд. АН СССР, 1953. Т. 3: Статьи и рецензии. «Пятидесятилетний дядюшка». 1839–1840. 684 с.
- 4 *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 11: Письма. 1829–1840. 817 с.
- 5 *Белинский В.* Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь. Драма в пяти действиях // Московский наблюдатель. 1839. Ч. II. № 3. Отд. 2. С. 1–110.
- 6 *Белинский В. Г.* Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь. Драма в пяти действиях: Неизданный текст / предисл. и примеч. А. С. Полякова. Пг.: Путь к знанию, 1923. 172 с.
- 7 *Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / предисл. и ред. А. Осокина // Литературное наследство. М.: Изд. АН СССР, 1950. Т. 56: В. Г. Белинский. Ч. II. С. 87–200.*
- 8 *Бродский Н. Л.* «Премухинский роман» в жизни и творчестве Тургенева. Письма Т. А. Бакуниной к И. С. Тургеневу // Центрархив: Документы по истории литературы и общественности. М.; Пг.: Госиздат, 1923. Вып. 2: И. С. Тургенев: [Сборник статей]. С. 107–121.
- 9 *Корнилов А.* Молодые годы Михаила Бакунина. Из истории русского романтизма. Семейство Бакуниных. I. М.: Изд. Сабашниковых, 1915. 718 с.
- 10 *Корнилов А. А.* Семейство Бакуниных (По неизданным материалам) // Русская мысль. 1913. № 8. С. 1–30.
- 11 *Крестова Л. В.* Татьяна Бакунина и Тургенев // Тургенев и его время: Первый сборник / под ред. Н. Л. Бродского. М.: ГИЗ, 1923. С. 31–50.
- 12 *Л. Л. [В. С. Межевич] Пятидесятилетний дядюшка // Галатея. 1839. № 6. С. 260.*
- 13 *Лотман Ю. М.* «Смесь обезьяны с тигром» // Избранные статьи. Таллинн: Александра, 1993. Т. III. С. 391–393.
- 14 *О Казанском театре // Репертуар русского театра. 1840. Т. II. Кн. 8. С. 12–22.*
- 15 *Оксман Ю.* Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М.: ГИХЛ, 1958. 651 с.
- 16 *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. М.: Искусство, 1978. Т. 10. 720 с.
- 17 *Отчет о московском театре за первое полугодие (от 1-го января до 1-го июля) // Репертуар русского театра. 1839. Т. II. Кн. 8. С. 5–8.*
- 18 *Переписка Н. В. Станкевича. 1830–1840 / ред. и изд. А. Станкевича. М., 1914. 787 с.*
- 19 *Почему в Америке республиканцы — слоны, а демократы — ослы? // Izvestia.ru. URL: <http://izvestia.ru/news/342040> (дата обращения: 15.01.2018).*
- 20 *Поэты кружка Н. В. Станкевича. Н. В. Станкевич, В. И. Красов, К. С. Аксаков, И. П. Ключников. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 617 с.*
- 21 *Пушкин. Полн. собр. соч.: в 16 т. Л.: Изд. АН СССР, 1948. Т. V. 543 с.*
- 22 *Строганов М. В.* Сколько для семьи детей надо? Традиционная дворянская семья в романе И. А. Гончарова «Обломов» // «Мысль семейная» в русской литературе: Сб. ст. и мат. Тверь: Марина, 2008. С. 53–64.
- 23 *Сысоев В.* Бакунины. Тверь: Созвездие, 2002. 462 с.
- 24 *Театральная хроника // Московский наблюдатель. 1839. Ч. I. № 2. Отд. 7. С. 27–39.*

***

© 2018. Mikhail V. Stroganov
Moscow, Russia

V. G. BELINSKY IN PRJAMUKHINO.
ON THE HISTORY OF THE PLAY
“FIFTY-YEAR-OLD UNCLE, OR A STRANGE DISEASE”

Abstract: “Fifty-year-old uncle, or a Strange disease” (1838), a drama by V. G. Belinsky reflects the romantic relationship of the author with A. M. Shchepkina. However, there is every reason to see the drama as a reflection of the love relationship of the Bakunin sisters not only with the author himself, but also with his immediate friends: N. Stankevich, V. P. Botkin, I. S. Turgenev. This is from this point of view that the drama becomes an important self-reflexive document, which in the late 1830s was the epicenter of individual and group psychological experience in the circle of Belinsky and M. A. Bakunin. Yet whereas the immediate auto-documentary genres of this circle (diaries and letters) had been studied in scientific literature very thoroughly, Belinsky's drama was practically out of scientific circulation. Meanwhile, it is of high interest not only as an established piece of art, but also as an original creative experiment. The paper, through reconstruction of the private life of the Bakunin's and Belinsky's circles, which are currently difficult to comprehend, allows to describe important processes of the spiritual life of Russian society at the end of the romanticism era.

Keywords: V. G. Belinsky, M. A. Bakunin, self-reflection, psychological experience, romanticism

Information about the author: Mikhail V. Stroganov — DSc in Philology, Professor, A. N. Kosygin Russian State University, Institute of Slavic Culture, Khibinsky passage, 6, 129337 Moscow, Russian. E-mail: mvstroganov@gmail.com

Received: March 16, 2018

Date of publication: September 15, 2018

For citation: Stroganov M. V. V. G. Belinsky in Prjamukhino. On the history of the play “Fifty-year-old uncle, or a Strange disease”. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 49, pp. 145–160. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Bakunin A. M. *Sobranie stihotvorenij* [Collection of poems], ed. prepared M. V. Stroganov. Tver', Izdatel'stvo TGU Publ., 2001. 206 p. (In Russian)
- 2 Bakunin M. A. *Sobranie sochinenij i pisem. 1828–1878* [Collected works and letters]. Moscow, Izdatel'stvo Vsesojuznogo ob-va politkatorzhan i ssyl'noposelencev Publ., 1934. Vol. II: Gegelianskij period [Hegelian period]. 1837–1840. 503 p. (In Russian)
- 3 Belinskij V. G. *Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t.* [Complete works: in 13 vols.] Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1953. Vol. 3: Stat'i i recenzii. “Pjatisdesjatiletnij djadjushka” [Articles and reviews. “Fifty-year-old uncle”]. 1839–1840. 684 p. (In Russian)
- 4 Belinskij V. G. *Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t.* [Complete works: in 13 vols.] Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1956. Vol. 11: Pis'ma [Letters]. 1829–1840. 817 p. (In Russian)

- 5 Belinskij V. Pjatidesjatiletnij djadjushka, ili Strannaja bolezn'. Drama v pjati dejstvijah [Fifty-year-old uncle, or a Strange disease. Drama in five acts]. *Moskovskij nabljudatel'*, 1839, part II, no 3, department 2, pp. 1–110. (In Russian)
- 6 Belinskij V. G. *Pjatidesjatiletnij djadjushka, ili Strannaja bolezn'. Drama v pjati dejstvijah: Neizdannyy tekst* [Fifty-year-old uncle, or a Strange disease. Drama in five acts: Unpublished text], preface and note by A. S. Poljakov. Petrograd, Put' k znaniju Publ., 1923. 172 p. (In Russian)
- 7 Belinskij v neizdannoj perezpiske sovremennikov (1834–1848) [Belinsky in unpublished correspondence of contemporaries (1834–1848)], preface and ed. A. Osokina. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1950, vol. 56: V. G. Belinskij, part. II, pp. 87–200.
- 8 Brodskij N. L. “Premuhinskij roman” v zhizni i tvorcestve Turgeneva. Pis'ma T. A. Bakuninoj k I. S. Turgenevu [“Premukhino`s novel” the life and work of Turgenev. Letters of T. A. Bakunina to I. S. Turgenev]. *Centrarhiv: Dokumenty po istorii literatury i obshhestvennosti* [Central archive: Documents on the history of literature and the public]. Moscow, Petrograd, Gosizdat Publ., 1923, vol. 2: I. S. Turgenev: [Sbornik statej [Collected papers], pp. 107–121. (In Russian)
- 9 Kornilov A. *Molodye gody Mihaila Bakunina. Iz istorii russkogo romantizma. Semejstvo Bakuninyh. I* [Young years of Mikhail Bakunin. Excerpts from the history of Russian romanticism. The Bakunin Family]. Moscow, Izdatel'stvo Sabashnikovyh Publ., 1915. 718 p. (In Russian)
- 10 Kornilov A. A. *Semejstvo Bakuninyh (Po neizdannym materialam)* [The Bakunin family (based on unpublished materials)]. *Russkaja mysl'*, 1913, no 8, pp. 1–30. (In Russian)
- 11 Krestova L. V. Tat'jana Bakunina i Turgenev [Tatiana Bakunina and Turgenev]. *Turgenev i ego vremja: Pervyy sbornik* [Turgenev and his time: the First collection], ed. by N. L. Brodskiy. Moscow, GIZ Publ., 1923, pp. 31–50. (In Russian)
- 12 L. L. [V. S. Mezhevich] Pjatidesjatiletnij djadjushka [Fifty-year-old uncle]. *Galateja*, 1839, no 6, p. 260. (In Russian)
- 13 Lotman Ju. M. “Smes' obez'jany s tigrom” [“Mixture of monkey and tiger”]. *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1993, vol. III, pp. 391–393. (In Russian)
- 14 O Kazanskom teatre [About Kazan theatre]. *Repertuar russkogo teatra*, 1840, vol. II, book 8, pp. 12–22. (In Russian)
- 15 Oksman Ju. *Letopis' zhizni i tvorcestva V. G. Belinskogo* [Chronicle of life and work of V. G. Belinsky]. Moscow, GIHL Publ., 1958. 651 p. (In Russian)
- 16 Ostrovskij A. N. *Polnoe sobranie sochinenij: v 12 t.* [Complete works: in 12 vols.] Moscow, Iskusstvo Publ., 1978. Vol. 10. 720 p. (In Russian)
- 17 Otchet o moskovskom teatre za pervoe polugodie (ot 1-go janvarja do 1-go ijulja) [Report on the Moscow theater for the first half of the year (from January 1 to July 1)]. *Repertuar russkogo teatra*, 1839, vol. II, book 8, pp. 5–8. (In Russian)
- 18 *Perezписка N. V. Stankevicha. 1830–1840* [Correspondence of N. V. Stankevich], ed. and published by A. Stankevicha. Moscow, 1914. 787 p. (In Russian)
- 19 Pochemu v Amerike respublikancy — slony, a demokraty — osly? [Why in America the Republicans are elephants and Democrats donkeys?] *Izvestia.ru*. Available at: <http://izvestia.ru/news/342040> (accessed 15 January 2018). (In Russian)

- 20 *Pojety kruzhka N. V. Stankevicha. N. V. Stankevich, V. I. Krasov, K. S. Aksakov, I. P. Kljushnikov* [Poets of the circle of N. V. Stankevich, N. V. Stankevich, V. I. Krasov, K. S. Aksakov, I. P. Kljushnikov]. Moscow, Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1964. 617 p. (In Russian)
- 21 Pushkin. *Polnoe sobranie sochinenij: v 16 t.* [Complete works: in 16 vols.] Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1948. Vol. V. 543 p. (In Russian)
- 22 Stroganov M. V. Skol'ko dlja sem'i detej nado? Tradicionnaja dvorjanskaja sem'ja v romane I. A. Goncharova "Oblomov" [How many children do you need for a family? Traditional noble family in the novel "Oblomov"]. "Mysl' semejnjaja" v russoj literature: *Sbornik statej i materialov* ["Family thought" in Russian literature: Collection of articles and materials]. Tver', Marina Publ., 2008, pp. 53–64. (In Russian)
- 23 Sysoev V. *Bakuniny* [Bakunins]. Tver', Sozvezdie, 2002. 462 p. (In Russian)
- 24 Teatral'naja hronika [Theatrical chronicle]. *Moskovskij nabljudatel'*, 1839, part I, no 2, department 7, pp. 27–39. (In Russian)